

Польская авторская лексикография

К истории вопроса. Проблемам изучения авторского языка и стиля в Польше традиционно уделяется большое внимание, о чем свидетельствуют многочисленные публикации. Наиболее ранние работы, посвященные вопросам языка поэта польского Возрождения Яна Кохановского (1530–1584), католического богослова, писателя Петра Скарги (1536–1612), поэта эпохи романтизма Адама Мицкевича (1798–1855) и др., относятся ко второй половине XIX века [ср.: Korpysz 2011:9]. Понятие «язык автора» – **język osobniczy** (букв. ‘индивидуальный язык’) было введено в научный обиход Зеноном Клеменсевичем в статье 1946 г. *Jak charakteryzować język osobniczy?* (Как характеризовать индивидуальный язык?) [Klemensiewicz 1946:43–53; то же 1961:204–214]. В 1988 г. выходит монография *Język osobniczy jako przedmiot badań lingwistycznych* (Индивидуально-авторский язык как предмет лингвистических исследований) [см.: Skubalanka 2009:17].

В ряду изданий по интересующему нас вопросу назовем только сборники «тематических серий». Это прежде всего сборники под редакцией Томаша Корпыша и Анны Козловской «Язык писателей», издаваемые кафедрой истории польского языка совместно с кафедрой современного польского языка Варшавского университета им. Кардинала Стефана Вышинского: Т. Korpysz, A. Kozłowska (red.) *Język pisarzy jako problem lingwistyki. Prace Językoznawcze*. Т. 2, Warszawa 2009 (Язык писателей как проблема лингвистики); Т. Korpysz, A. Kozłowska (red.) *Język pisarzy: problemy słownictwa*. Т. 3, Warszawa 2011 (Язык писателей: проблемы лексики), в настоящее время готовится к печати том *Język pisarzy: problemy metajęzyka i metatekstu* (Язык писателей: проблемы метаязыка и метатекста).

Статьи Ядвиги Пузынины, Тересы Скубянки и многих других исследователей языка и стиля писателей находим также в «тематических» сборниках так называемой «белой» и «красной серии». Сборники этих двух серий, по словам известного польского этнолингвиста Ежи Бартминьского, «документируют до известной степени рождение и развитие польской школы культурно-антропологической лингвистики и когнитивной этнолингвистики с ее центральными проблемами культурной функции языка и языковой картины мира» [см.: <http://www.lingwistyka.uni.wroc.pl/jk/historia.htm>] – концепциями, которые нередко лежат в основе современных лексикографических работ.

Назовем только два из двадцати трех Вроцлавских сборников «белой серии» *Język a kultura*, которая имеет как печатную, так и электронную версии (пока с 1 по 16 том): <http://www.lingwistyka.uni.wroc.pl/> :

J. Anusiewicz, J. Bartmiński (red.) *Język a Kultura, tom 1. Podstawowe pojęcia i problemy*, Wrocław 1991 (Язык и культура, т. 1. Основные понятия и

проблемы), J. Puzynina, J. Bartmiński (red.) *Język a Kultura, tom 2. Zagadnienia leksykalne i aksjologiczne*, Wrocław 1991 (Язык и культура, т. 2. Лексические и аксиологические проблемы).

«Красную серию» Института польской филологии Университета им. Марии Кюри-Склодовской в Люблине ассоциируют с именем проф. Ежи Бартмиńskiego, основателя польской этнолингвистики, в ней интерес представляют тома J. Bartmiński (red.) *Konotacja. Praca zbiorowa*, Lublin 1988 (Коннотация), J. Bartmiński, В. Boniecka (red.) *Tekst. Analizy i interpretacje*, Lublin 1998. (Текст. Анализ и интерпретация), А. Pajdzińska, R. Tokarski (red.) *Semantyka tekstu artystycznego*, Lublin 2001 (Семантика художественного текста) и др.

I. В польской лексикографической традиции словари языка писателя обычно подразделяют на словари алфавитные и тематические (*słowniki alfabetyczne* и *tematyczne*) [ср.: http://www.kozłowska.uksw.edu.pl/img/słowniki_pisarzy.pdf]. К первым относят «Словарь языка Адама Мицкевича» (t. I–XI, 1962–1983), «Словарь языка Яна Хризостома Пасека» (t. I–II, 1965–1973), «Словарь польского языка Яна Кохановского» (t. I–V, 1994–2012), а также электронный «Словарь языка Циприана Норвида». Тематические словари в классификации Анны Козловской – это 5 выпусков «Словаря языка Циприана Норвида» и «Лексика сочинений Стефана Жеромского» в 16 томах.

В нашем обзоре обратимся прежде всего к «классическим» в польской авторской лексикографии работам – трем алфавитным объяснительным диахронным словарям, которые создавались в разные промежутки времени, однако по замыслу и «по манере исполнения» во многом схожи.

Słownik języka Adama Mickiewicza, pod red. K. Górskiego, S. Hrabca, t. 1–11, Wrocław 1962–1983, работа над ним велась в двух коллективах (Торунь и Лодзь) в течение 33 лет. Редакторы «Словаря языка Адама Мицкевича» **Конрад Гурский** (1895–1990), профессор, историк и теоретик литературы, и **Стефан Грабец** (1912–1972), профессор, полонист и славист, ставили перед собой цель зарегистрировать все словарное богатство, использованное Мицкевичем как в печатных, так и в рукописных сочинениях (ок. 24000 слов и ок. 700000 употреблений), поэтому он и является по-настоящему «полным». В словаре представлена лексика всех типов текстов, при этом принимались во внимание диалектные формы, варианты, ошибки в написании и т. д.

Этот словарь отражает прежде всего язык эпохи, индивидуально-стилистические особенности языка поэта в нем специально не подчеркиваются.

Структура словарной статьи включает *заголовочное* «отдельное» слово, т. е. отличающееся от других как значением, так и формой; *частотность* его употреблений в текстах; *грамматическая характеристика* дает

указание на часть речи и родовую отнесенность, приводятся словоформы и частотность употребления для каждой из форм; **семантическая характеристика**: толкование приводится только в случае многозначности слова или в том случае, если слово вышло из употребления; **фразеологическая информация**: сюда включены пословицы, поговорки, сочетания, сравнительные обороты. При каждой из единиц указывается частотность употребления; **иллюстративная зона**: все примеры, иллюстрирующие данную единицу; при этом для лексем с частотностью свыше 300 употреблений иллюстративный материал дан в сокращении, однако выдерживается правило, чтобы при цитации были представлены все периоды творчества автора и все жанры его произведений. Каждая цитата снабжена указанием на *источник*, который выражен сокращением, напр. PT IX 165–6, т. е. «Пан Тадеуш», книга 9, стр. 165, строка 6.

В завершение описания каждого из значений дается факультативная информация о сочетаниях терминологического характера, перифразах с указанием значения и частотности.

Приведем пример словарной статьи **ŻÓŁTY** ‘жёлтый’ (все пометы даны в переводе на русский язык):

ŻÓŁTY (22) **Żółty** (17), **Żolty** (5+11вариант), прил. ◇ ед.ч. м. Им.п. żółty (3), Тв.п. żółtem (1), Пр.п. żółtym (2), ж. Им.п. żółta (3), Род.п. żółtej (1+в), żółtej (1), Дат.п. żółtej (1), żółtej (в), Вин.п. żółtą (2), Пр.п. żółtej (1), żółtej (в), ср. Вин.п. żółte (1), мн.ч. Им.п. не м.р. żółte (2), Род.п. żółtych (2), Вин.п. не м.р. żółte (1), Тв.п. żółtymi (1) ◇

Сочетания: żółta księga (5) A czy Sędzia, rzekł major, żółtą [A: żółtą] księgę czytał? | – Co to za żółta [A: żółta] księga, Pan Sędzia zapytał. PT IX 165–6 [iO] <..>

Перифраза: żółty kruszec = złoto (1): <..>

o kolorze skóry (1): [Huny]: Lud małego wzrostu, żółtej cery. HPol I 421.

Примечание: помета в квадратных скобках к обороту *żółta księga* [A: żółtą] указывает на пояснение самого автора в рукописи: «Zbiór praw wojennych nazwany tak od koloru okładek <..> (Свод военных законов, названный так по цвету обложки <..>)».

«Словарь языка Адама Мицкевича» по праву считается наиболее значимым трудом среди польских авторских словарей, относится к словарям диахронным, отражая лексику XIX в., однако первой по времени окончания лексикографической разработкой материалов по истории польского литературного языка был двухтомный *Słownik języka Jana Chryzostoma Paska*, pod red. H. Konecznej, W. Doroszewskiego, t. 1–2, Wrocław 1965–1973.

«Словарь языка Яна Хризостома Пасека» интересен тем, что он являлся не только первой лексикографической обработкой материала XVII в., но и первым законченным словарем языка автора, словарем конкретного текста.

Словарь, содержащий 7786 словарных статей, был создан на основе мемуаров (*Pamiętników*) Я.Х. Пасека (1636–1701), участника нескольких войн второй половины XVII в., в частности Шведской и Московской, как называют их в Польше. Мемуары стали важным источником сведений о языке эпохи: в них нашёл отражение период с 1656 по 1688 г. Редакторы Словаря – известные польские лингвисты проф. **Халина Конечна** (1899–1961) и проф. **Витольд Дорошевский** (1899–1976) – разработку двухтомного «Словаря языка Пасека» рассматривали как своего рода «подготовительный этап» в работе над «Словарем польского языка XVII – 1-й половины XVIII вв.», которая велась в стенах Отдела истории польского языка Института языкознания ПАН. При обработке словарного материала составители использовали опыт как отечественных, так и зарубежных лексикографов, в частности, авторов «Словаря языка Адама Мицкевича» и «Словаря языка Пушкина», однако исходили из особенностей лексического состава «Мемуаров». В словарь были включены некоторые виды имен собственных, напр., входящие в состав оборотов с переносным значением: $\diamond$ Scylla i Charybda «o groźnym niebezpieczeństwie» ('о грозной опасности') [Pasek I:X].

Словарная статья включает такие разделы, как: а) заголовочное слово и показатель частотности; б) указание на часть речи; в) толкование значения; d) фразеология; е) иллюстративные примеры; f) документация (т. е. локализация цитаты); g) этимология (при заимствованных словах); перечень грамматических форм [см. Pasek I:X–XI].

Пример словарной статьи **ŻÓŁTY** 'жёлтый' (с переводом помет на русский язык); цифра **(1)** после заголовочного слова обозначает частотность; обозначение **95 r.** после иллюстрации указывает на локализацию цитаты: 95-я страница рукописи, **r** (recto) – лицевая сторона:

ŻÓŁTY (1) *прил.* «здесь: светлый, белокурый»: Napadł na Mnie jakiś Patryarcha z Żółtą brodą. 95 r.

формы: ед.ч., Тв.п. [Pasek II:786].

В 1994 г. начал выходить третий авторский словарь с историко-языковым уклоном – *Słownik polszczyzny Jana Kochanowskiego* pod red. M. Kucały, t. 1–5, Kraków 1994–2012.

Ян Кохановский (1530–1584) – первый национальный поэт эпохи Возрождения, выдающийся представитель „золотого века” Польши, родоначальник системы национального силлабического стихосложения.

Научный редактор «Словаря польского языка Яна Кохановского» **Мариан Куцала** (1927–2014) был автором многих словарных статей «Старопольского словаря» (лексика с древнейших времен до 1500 г.).

Главным достоинством Словаря Кохановского считают то, что он показывает, как и каким лексиконом пользовался великий польский поэт. Словарь включает 8807 словарных статей и «охватывает» примерно 128 тыс.

слов, написанных поэтом по-польски, т. к. составители рассматривали только произведения на родном языке, без учета сочинений на латыни. В словарь включены имена собственные. Такой объем словаря при «сравнительно небольшом» количестве словарных статей объясняется тем, что составители большое внимание уделили сохранению контекста, стараясь, по замыслу редактора, «дать слово самому Кохановскому». В 5-й том Словаря включен индекс *a tergo* – обратный словарь заглавных слов [Kochanowski V 2012:865–928].

Структура словарной статьи: заголовочное слово сопровождается не только описанием, но и иллюстрацией. За заголовочным словом следует толкование значения или указание на функцию, далее идут цифры – отсылка к иллюстрации. Цитаты приводятся в оригинальной орфографии и пунктуации, но параллельно даны и в транслитерации. В словарной статье могут быть также приведены: словосочетания и их контекстное значение; пословицы и поговорки; сравнения, лексические ряды; грамматическое управление; редкие флективные формы; шифр **w p.** указывает на то, что слово относится к прозе, отсутствие шифра – указание на поэтический текст. Пример словарной статьи [Kochanowski V 2012:851]:

żółty mający jasny kolor podobny do koloru słońca, cytryny 1–3.

1–3. Tertius imdurat multi kapam áxámity/Zóltóm kábatum...<..>

(Trzeci przywdział szeroki płaszcz aksamitny, habit żółty, żółty kolet, żółte trzewiki)
C 20–1

Цифры 1–3 обозначают, что лексемы с этим значением выступают в 1-м, 2-м и 3-м примерах.

II. Новым этапом в развитии польской авторской лексикографии несомненно следует считать серию «тематических» (в классификации Анны Козловской) словарей, создаваемых по идеографическому принципу: это пять тематических выпусков «Словаря языка Циприана Норвида» (1993–2000), а также шестнадцать томов словаря «Лексика сочинений Стефана Жеромского» (2002–2014).

Поэт, опередивший свою эпоху – так называют **Циприана Камиля Норвида** (1821–1883). При жизни не признанный ни на родине, ни на чужбине (он умер во Франции), сейчас Норвид наряду с Мицкевичем и Словацким занимает одно из ведущих мест в польской литературе и культуре.

Создатели «Словаря языка Норвида» использовали опыт предшественников, однако словарное представление сложного для восприятия языкового материала произведений поэта и писателя требовало новых решений. С одной стороны, «язык Норвида – за исключением заимствованных слов – представлял состояние языка I половины XIX в.» [Skubalanka 2009:19], но в то же время, как пишет Ядвига Пузынина, автор целого ряда работ об особенностях языка и стиля поэта, инициатор создания

Словаря, «Норвид – это поэт темный, один из тех, чей диалог с читателем затруднен как ходом мысли художника, так и формой, через которую эти мысли им передаются» [Puzynina 1997:219]. В подходе к анализу и описанию языка произведений поэта проявились концепции современной когнитивной лингвистики.

Принципы лексикографического описания оговаривались в первой из публикаций серии – «Пробном выпуске» Словаря языка Норвида: J. Chojak, J. Puzynina, E. Teleżyńska, E. Wiszniewska (red.). *Słownik języka Cypriana Norwida: zeszyt próbny*. Warszawa 1988 [далее: SJCNzp, 1988] и были изложены в четырех подробных Инструкциях по составлению и редактированию словарных статей (транслитерация и транскрипция; грамматический комментарий; редакционная обработка словарных статей в основном и тематическом словарях) [SJCNzp 1988:9–44]. Руководитель проекта Ядвига Пузынина одной из главных задач будущего Словаря считала оказание помощи «в понимании нередко весьма трудных, „темных” текстов Норвида» [SJCNzp 1988:2].

При этом предполагалась параллельная работа над двумя типами словарей: «основной» объяснительный словарь с индивидуально-стилистическим уклоном, задуманный как интернет-словарь, должен был «подчеркнуть существенные черты языка Норвида, прежде всего поэтического» [SJCNzp 1988:2]; отдельные «словарные тетради» или «выпуски» были предназначены для «тематических групп лексики», которые составители считают «важными для характеристики творчества Норвида» [SJCNzp 1988:3]. Разработки словарных статей в качестве образцов в этом установочном «томе» также были подготовлены для двух типов словарей. Пробные словарные статьи к «основному» алфавитному электронному словарю представляли 10 частей речи: *уступительный книжн. союз Acz* (хотя), *наречие bynajmniej* (отнюдь), *прилаг. głęboki* (глубокий), *наречие jutro* (завтра), *предлог ku*, *имя собств. Mojżesz*, *глагол mówić* (говорить), *числительное siedem* (семь), *сущ. wolność* (свобода, воля), *прилаг. złoty* (золотой) [SJCNzp 1988:58–93]. Словарные статьи *łza* (слеза), *wolność*, *złoty* относились к будущим выпускам тематической серии *Zeszytów słownikowych* [SJCNzp 1988:95–144].

В детально проработанной структуре словарной статьи «основного» словаря выделено 9 параметров – зон с разбивкой на подзоны:

1.0. заголовочная единица – оговаривается, что таковой, кроме слова в начальной словарной форме, могут быть лексические омонимы, обозначаемые в словаре римскими цифрами (*paść I* и *paść II* ‘упасть’ и ‘пасти’); грамматические омонимы *jutro* ‘завтра’ – сущ. и наречие и др.

2.0. зона грамматической характеристики – часть речи с дополнительной информацией и соответствующими пометами: для существительных и прилагательных лексико-грамматический разряд, для глаголов вид и т. д., что дополнительно оговаривается в отдельной Инструкции [SJCNzp 1988:14–19].

3.0–3.2. частотность употребления (3.0.), показ вариантов заголовочного слова (3.1.) и число употреблений его грамматических форм (3.2).

4.0.–4.12. толкование, при этом в зоне толкования предусмотрены следующие подпункты: число употреблений единицы в данном значении (4.1.), синтаксическая информация с иллюстрациями (4.2–4.3), контекстуальные значения (4.4.), связь понятия – соответствия заголовочному слову с другими понятиями (с соответствующими иллюстрациями) (4.5.), переносные значения (4.6.), ироническое и шутливое употребления (4.7.–4.8.), сравнения (4.9.), лексические ряды (4.10.), фразеологизмы (4.11.), модифицированные авторские фразеологизмы (4.12.).

5.0. неясные и/или многозначные слова.

6.0. авторские толкование и этимологизация.

7.0. высказывания Норвида о слове – заголовочной единице в понимании других.

8.0. конструкции с записью через дефис.

9.0. комментарий.

В Инструкции отмечено, что зоны **1.0.–3.0** и **4.3** обязательны для разработки, в то время как разработка остальных пунктов зависит от особенностей заголовочного слова и его функционирования в текстах Норвида. Зоны **4.0.–8.0** отдельно разрабатываются для каждого из значений. Зона комментирования **9.0** является *факультативной*. [SJCNzp 1988:20]. Далее (с. 20–28) следуют пояснения к каждому из перечисленных выше параметров, приведены примеры: **4.12.** модифицированные авторские фразеологизмы – *rzucić łzę* ‘букв. бросить слезу’ (ср.: *uronić łzę* ‘уронить слезу’) [SJCNzp 1988:27].

Если «основной» объяснительный словарь адресован самому широкому кругу пользователей, то тематические «Словарные тетради» предназначены прежде всего для филологов, что повлияло на способы обработки и подачи словарного материала. И хотя разработка словарной статьи по параметрам в основном совпадает (пункты **1.0.–8.0** [SJCNzp 1988:29]), содержательное наполнение их будет несколько иным.

Нетрадиционным является то, что после *заголовочной* единицы и списка вариантов словоформ с указанием числа употреблений, *грамматической* характеристики (**1.0.–1.3.**) в словарной статье следует обширная *иллюстративная* зона – цитаты в хронологическом порядке, что позволяет отметить скопление определенных слов в некоторых произведениях и/или в какие-то периоды времени. Новым в словарной статье становится пункт «описание сочетаемости» (**3.11.**), вводится отдельный параметр прагматического характера – «коннотация» (пункт **3.11.**). При этом отмечаются как закрепленные за словом культурные коннотации (*черный* – цвет печали и смерти), так и авторские (негативная коннотация *чистоты* в „Purytanizmie” Норвида). Выделяя коннотативную окраску единиц, авторы

словаря преследуют цель отразить мировоззренческую позицию поэта [SJC�zр 1988:4–5].

На сегодняшний день лексикографический «корпус» авторского «Словаря языка Циприана Норвида» выглядит следующим образом:

J. Puzynina, T. Korpysz. *Internetowy słownik języka Cypriana Norwida* („Интернет-словарь языка Циприана Норвида”) <http://www.slownikjezykanorwida.uw.edu.pl/index.php>.

Картотека лексических единиц к произведениям Норвида насчитывает ок. 600 тыс. карточек, при этом электронный алфавитный словарь включает 30 тыс. слов. В настоящее время есть доступ ко всему списку слов словаря, но словарные статьи разработаны только для букв **a** и **b**. Словарь задуман как электронный гипертекстовый, что даст пользователю возможность выхода на разного рода необходимую информацию.

Приведем в качестве примера фрагмент образца словарной статьи для Интернет-словаря:

cena Rz ż 73: ро 21, пр 52

<цена Сущ. ж. 73: ро (поэзия) 21, пр (проза) 52>

chcieć Cz ndk 1130: ро 402 (11 fr), пр 728 (53 fr)

<хотеть Гл нсв. 1130: ро 402 (11 fr), пр 728 (53 fr)>

После заголовочного слова дается указание на часть речи и родовую отнесенность, количество словоупотреблений, в том числе в поэзии (**po**) и прозе (**pr**); при необходимости – в составе фразеологизмов(**fr**).

Слова, не фиксируемые в исторических словарях польского языка, обозначены пометой *N* как возможные авторские неологизмы. Пометой *N zn* обозначены гипотетические неосемантизмы поэта, т. е. те слова, которые в словарях его времени зафиксированы в ином, чем у Норвида, значении:

całóżywot *N* Rz m 4: ро 2, пр 2. <‘вся жизнь’ *N* Сущ. м. 4: ро (поэзия) 2, пр (проза) 2>

[см.: <http://www.slownikjezykanorwida.uw.edu.pl/>]

В заявленной в «Пробном выпуске» тематической серии идеографических *Zeszytów słownikowych* вышло 5 словарей:

Słownictwo etyczne Cypriana Norwida, część 1: *prawda, fałsz, kłamstwo*, pod red. J. Puzyniny, Warszawa 1993 („Лексика этики Циприана Норвида”);

Słownictwo estetyczne Cypriana Norwida, pod red. J. Chojak, Warszawa 1994 („Лексика эстетики Циприана Норвида”);

E. Teleżyńska, *Nazwy barw w twórczości Cypriana Norwida*, Warszawa 1994 („Цветовая лексика в творчестве Циприана Норвида”);

T. Korpysz, J. Puzynina, *Wolność i niewola w pismach Cypriana Norwida*, Warszawa 1998 („Свобода и неволя в сочинениях Норвида”);

A. Kadyjewska, T. Korpysz, J. Puzynina, *Chrześcijaństwo w pismach Cypriana Norwida*, Warszawa 2000 („Христианство в сочинениях Норвида”).

Образцы максимально детальной лексикографической разработки структуры словарной статьи в каждом из томов Словаря Норвида

заслуживают отдельного рассмотрения ввиду того, что при сохранении указанной выше схемы анализа как основы составители «подчиняли» ее особенностям конкретного языкового материала.

Подобный подход характерен и для новаторского по замыслу и решению авторскому словарю языка и стиля польского прозаика Стефана Жеромского – *Słownictwo pism Stefana Żeromskiego*. t. 1–16, Kraków 2002–2014 (Лексика сочинений Стефана Жеромского).

Стефан Жеромский (1864–1925), прозаик, драматург, публицист, представитель польской литературы новейшего времени. Интерес исследователей к его творчеству далеко не случаен. «По своей художественной манере Жеромский резко отличается от своих предшественников: их объективному уравновешенному повествованию он противопоставил новый тип прозы – напряженно-эмоциональной, лирической. В ней большое значение приобретает и граничащий с натурализмом антиэстетизм описаний, символика и импрессионизм в пейзаже, в передаче душевных состояний. Экспрессивность стиля достигается обилием эпитетов, метафор, инверсий, музыкальной организованностью фразы» [Витт, Хорев 1994:442]. Как пишет инициатор создания словаря проф. Квирина Хандке, «Сочинения Жеромского, особенно художественные произведения и дневники, приносят небывало богатую лексику, в том числе современную для писателя – общелитературную и разговорную, а также старопольскую, региональную и диалектную. В этом можно убедиться только при таком изучении его текстов, целью которого является детальный анализ, направленный не только на регистрацию самих только слов, но и всех его функций в контексте» [Handke 2007:15].

В задуманном авторским коллективом в 1995 г. лексикографическом труде «Лексика сочинений Стефана Жеромского» предполагалось издание двух серий, включающих в настоящее время 15 «словарных» томов (тт. 2–16) и так называемые «вводные», установочные выпуски (2002, 2007), каждый из которых объединял бы лексику определенного тематического круга. Руководитель проекта К. Хандке во 2-м «вводном» томе отмечает, что подобный словарь позволяет взглянуть через призму лексикона «не только на особенности художественного стиля отдельных произведений, но также на мир, представленный в них, и его реалии» [Handke 2007:14]. Серия представляет собой тематические авторские монографии, каждая из которых состоит из двух частей: словарной и интерпретационно-аналитической [Там же: 16]. Словник включает как отдельные слова, главным образом существительные, прилагательные, наречия и причастия, так и разного рода словосочетания. Стилистические фигуры и тропы (слова в переносном значении, сравнения, тавтология, ирония, контраст и др.) оговариваются в аналитической части монографий [Там же: 22].

В соответствии с концепцией Словаря – показать, как в лексике писателя отражена современная ему картина мира – не предусматривалась выработка единых принципов, ограничивающих форму и объем иллюстративных контекстов, однако для всех монографий действовала одинаковая схема анализа материала: текстовая база, канон текстов (т. е. перечень произведений и те издания произведений Стефана Жеромского, по которым проводилась выборка единиц), редакторская инструкция, литература вопроса, сокращения. В каждой монографии принят отдельный принцип отбора материала – в наибольшей степени отвечающий разрабатываемой лексико-семантической сфере. Так, в монографии *Świat barw* (Мир цвета) выбран алфавитно-гнездовой способ расположения слов, что позволило выделить сферы и объем используемых автором колоративов в разного рода текстах. Вместе с тем общей для всех была принята следующая Структура словарной статьи: 1) заголовочная единица; 2) фонетические варианты; 3) возможные варианты флексии; 4) толкование в определенной очередности (от прямого к переносным с указанием на частотность употребления для каждого из значений); 5) иллюстрирующие цитаты под каждым из значений; 6) фразеологические обороты; 7) сочетаемость (приводится при каждом из значений, в том числе при оттенках значения и контекстуальных значениях); 8) подзона заголовочного слова; 9) этимологическая информация; 10) дополнительная информация, вытекающая из целевой установки [ср.: Handke 2007:16, 17, 22, 25].

Выпуски 2–7, составившие первую серию *Словаря*, включали такие «темы», как *Przestrzeń* (Пространство), *Dom* (Дом), *Świat dźwięków* (Мир звуков), *Świat barw* (Мир цвета), *Walka, wojna, wojskowość* (Борьба, война, военное дело), *Myśl i mowa* (Мысль и речь).

Вторую серию (тт. 8–16) представили такие понятийные сферы, как *Świat doznań zmysłowych (węch, smak, dotyk)* (Мир чувственного опыта: обоняние, слух, осязание), *Świat roślin* (Мир растений), *W kręgu meteorologii i astronomii* (В кругу метеорологии и астрономии), *Topografia* (Топография), *Miasto i wieś* (Город и деревня), *Świat kobiet i świat mężczyzn* (Мир женщин и мир мужчин), *Niebo i piekło* (Небо и ад). Тематический подход к составлению *Словаря* позволяет дополнять его новыми выпусками: в 2010 г. вышел 15-й том *Podróże, podróżowanie* (Путешествия), в 2014 – *Życie towarzyskie* (Жизнь в обществе). В стадии подготовки следующий выпуск *Zdrowie i choroba* (Здоровье и болезнь) [см. <http://stefanzeromski.pl/slownik-zeromskiego/>].

III. В заключение назовем несколько лексикографических работ, сведения о которых были получены косвенным путем – в ходе знакомства с литературой вопроса.

В Предисловии к сборнику *Język pisarzy: problemy słownictwa* Томаш Корбыш, характеризуя состояние авторской лексикографии в Польше, пишет о «всё ещё немногочисленных» лексиконах, индексах, конкордансах и

частотных словарях [ср.: Korpysz 2011:9]. Редактор сборника указывает на несколько малоизвестных словарей, которые он считает «частичной обработкой» лексикона автора, поскольку оформленные как индексы, лексиконы или глоссарии, являющиеся частью монографических исследований, они представляют только отдельные лексико-семантические, тематические или какие-то другие группы слов.

К таковым относится работа Леонарды Мариак *Leksyka z zakresu wojskowości w „Trylogii” Henryka Sienkiewicza*. Cz. 2. Słownik. Szczecin 2009 (Лексика военного дела в «Трилогии» Генрика Сенкевича), которая является отдельной частью монографии с тем же названием.

Генрик Сенкевич (1846–1916), член-корреспондент (с декабря 1896 г.) и почетный академик (с ноября 1914 г.) Императорской Санкт-Петербургской академии наук по отделению русского языка и словесности, является первым из четырех польских лауреатов Нобелевской премии (*Quo Vadis*, 1905).

Монография «Лексика военного дела в „Трилогии” Генрика Сенкевича», Ч. I. «Анализ и интерпретация» может служить своеобразным комментарием к собственно Словарю, который фиксирует одну из разновидностей польского языка – социолект профессиональной группы военных в произведении XIX в. при описании реалий XVII в. В трилогии Г. Сенкевича представлена широкая панорама событий («Огнем и мечом» – время восстания Богдана Хмельницкого, «Потоп» – события, связанные со шведским нашествием, «Пан Володыевский» – турецкое нашествие на юго-восточную часть Речи Посполитой), что и определяет богатый и весьма неоднородный лексический состав трилогии и словаря. Этот диахронный дифференциальный Словарь содержит 3145 словарных статей, фиксируется около 67 тыс. употреблений.

Словарная статья, кроме традиционной базовой информации (заголовочное слово, грамматическая характеристика, указание на стилистическую функцию, толкование, цитация), включает этимологические и статистические данные. Как раз на основе статистического анализа составлены частотные ранговые списки лексики, относящейся к так называемому пласту ограниченного употребления, которая в трилогии писателя имеет важное функционально-стилистическое значение: архаизмы, заимствования, неологизмы и др. – в словаре данные разряды лексики имеют соответствующие пометы. [Umińska-Tytoń, рец.: <http://www.wf.usz.edu.pl/attachments/article/233/Tom%20X.pdf>]

Т. Корпыш называет также *Listę frekwencyjną poezji, prozy i dramatu Krzysztofa Kamila Baczyńskiego*, opr. M. Balowski. Prochowice 1997. Поэт **Кшиштоф Камиль Бачиньский** (1921–1944), сказавший о себе: «Солдат, поэт, времени пыль», погиб в 1944 г. во время Варшавского восстания. Составитель одного из немногих словарей, отражающих язык авторов XX в., считал «Частотный словарь поэзии, прозы и драмы К. Бачиньского» первым шагом в создании словаря языка этого поэта. Словник содержит 12159

заголовочных единиц и 111063 словоформы, в том числе в поэзии 7662 заглавных слов и 64367 словоформ, в прозе соотношение 7656 и 42448, в драме 1157 и 4 248.

Однако следует назвать еще две лексикографические работы Мечислава Балёвского. Регистрирующий частотный словарь, посвященный языку чешского поэта **Йржи Ортена** (Jiří Orten, 1919–1941) – Balowski Mieczysław. **Lista frekwencyjna poezji Jerzego Ortena**. Prochovice 2001 – может пополнить весьма немногочисленный список чешских авторских словарей.

Этот известный польский богемист, профессор Института славянской филологии университета им. А. Мицкевича в Познани, является и автором дифференциального этимологического словаря-справочника **Zachodnio- i wschodniosłowiańskie pożyczki leksykalne w języku Adama Mickiewicza**. Ostrava 2005. (Западно- и восточнославянские лексические заимствования в языке Адама Мицкевича) [далее Balowski 2005]. «Словарному разделу», включающему 1170 единиц, предшествует детально проработанное теоретическое обоснование исследования.

Текстовой базой Словаря заимствований послужил «Словарь языка Адама Мицкевича», в котором представлены разные пласты лексики: наряду с исконно польской лексикой есть слова, близкие польскому языку по семантическому и морфологическому строю, и слова «чужеродные». Отмечая сложность в определении источника заимствования, автор рассматривает заимствования из славянских языков на разных этапах истории страны; при этом восточнославянские заимствования подразделяет на рутенизмы (русино-белорусско-украинские корни) и русизмы (в том числе и имена собственные). К рутенизмам в «Словаре Мицкевича» автор относит 239 заголовочных слов [Balowski 2005: 14, 56, 58]. Если говорить о русизмах, в анализируемом материале М. Балёвский регистрирует 91 единицу, из них 20 – это дериваты слов заимствованных (для сравнения: в современном польском языке выделяют 161 русизм [Balowski 2005: 60]). Сам словарь состоит из двух разделов: восточнославянские и западнославянские заимствования (с. 61–116 и 127–246).

Пример словарной статьи (пояснительный текст в переводе на русский язык, но без перевода сокращений-шифров использованных словарей):

tuman 19 ‘mgła, opary; kłęby pisku unoszące się w górę; kurzawa’

Заимствование из рус. *туманъ*, происходит от тюркского *tuman*. А. Брюкнер SEB 584 трактует его однозначно как рус., где „от ‘облака’ перенесено и на ‘глупых людей’, повторяется по всей Руси”. Он указывает на турец. *tuman* ‘облако’ как первоисточник. С.Б. Линде L V 740 в свою очередь считает, что слово происходит от рус. *туманъ* ‘мгла’ и в этом значении функционирует в XIX в. Подобным образом трактуют его другие пол. (SŁWil, J. Karłowicz SW, Doroszewski SJP) и вост.-слав. словари (Д.Н. Ушаков TSRJ, М. Майкоў и С. Некрашевіч SN, а также Б. Грінченко SH). Родственное слово: **туманить** 1. [Balowski 2005:113].

Работу Тересы Смулковой *Słownictwo i fleksja „Lalki” Bolesława Prusa. Badania statystyczne*. Wrocław 1974 (Лексика и флексии «Куклы» Болеслава Пруса. Статистическое исследование) также называют «частичной обработкой» лексикона автора: исследование включает индекс частотности (14500 заголовочных единиц).

Болеслав Прус (1847–1912) – писатель, определивший наряду с такими мастерами, как Генрик Сенкевич и Элиза Ожешко, облик классического польского реализма XIX в. Как полагает польский лингвист Ян Сафаревич, «Литературная традиция эпохи Пруса не поощряла каких-либо чрезвычайных, всесторонних деформаций языковой формы, и попытка статистического анализа лексики и флексий *Lalki* предоставляет дополнительные данные для характеристики общелитературного польского языка конца XIX века» [Safarewicz, рец.: <http://mbc.malopolska.pl/dlibra/plain-content?id=21467>].

К перечню „немногочисленных” лексиконов и индексов Томаш Корпыш относит и частотный индекс слов и словоформ к большой поэме (10 тысяч стихов) представителя польского Возрождения **Миколая Рея** (1505–1569), которого в польской традиции принято называть «отцом польской письменности». К индексу Брониславы Здроевской (см.: B. Zdrojewska. *Indeks wyrazów i form. Indeks frekwencyjny* [w:] M. Rej. *Wizerunek własny żywota człowieka poczciwego*, Wrocław 1971 – «Подлинное изображение жизни достойного человека») можно добавить более раннюю обработку – индекс слов и форм к сатирическому диалогу «Краткая беседа между тремя особами – Паном, Войтом и Священником» (см.: M. Malcówna i H. Sławińska. *Indeks wyrazów i form* [w:] *Krótka rozprawa między trzema osobami Panem, Wójtem a Plebanem*, opr. K. Górski i W. Taszycki, Wrocław 1953) [<http://mbc.malopolska.pl/dlibra/plain-content?id=34444>].

Небольшой по объему лексикон *Słowniczek archaizmów, niektórych imion własnych oraz właściwych Naruszewiczowi wyrażen* (с. 449–502) включен в сборник: A. Naruszewicz. *Wybór poezji*, oprac. P. Chmelowski, Warszawa 1982. Автором «Словарика архаизмов, некоторых имен собственных и присущих Нарушевичу выражений» к избранным поэтическим произведениям деятеля эпохи Просвещения, историка и поэта, епископа **Адама Нарушевича** (1733–1796) был Пётр Хмелёвский.

В известных нам публикациях практически нет упоминаний об авторских словарях поэтики, в то время как в 1970, 1972, 1998, 2002 гг. были опубликованы словари рифм Адама Мицкевича, Антония Мальчевского (1793–1826), Циприана Норвида и Юлиуша Словацкого (1809–1849), ср.: Janina Budkowska *Słownik rymów Adama Mickiewicza*. Wrocław 1970; Marian Jeżowski. *Słownik rymów „Marii” Antoniego Malczewskiego*. Lublin 1972;

M. Jeżowski. *Słownik rymów Cypriana Norwida*. Lublin 1998; M. Jeżowski. *Słownik rymów Juliusza Słowackiego*. Lublin 2002.

Как пишет литературовед, автор ряда работ, посвященных проблемам версификации, Янина Будковска (1899–1978) в предисловии к своему «Словарю рифм», она, будучи одним из авторов «Словаря языка Адама Мицкевича», при его создании опиралась на ту же самую текстовую базу, использовала ту же систему помет, сокращений названий литературных произведений и т. п. Автор рассматривает 5 видов рифм: I. parosyktoniczne (женские) – s. 1–173; II. męskie (мужские) – s. 174–176; III. proparosyktoniczne / daktyliczne – (дактилические) – s. 176; IV. różnoakcentowe (разноударные) – s. 176; V. obcojęzyczne (иностранноязычные) – s. 177.

К словарю поэтики можно отнести работу Гжегожа Ойцевича, в настоящее время профессора Варминьско-Мазурского университета (г. Ольштын) *Przymiotniki w poezji Iwana Bunina. Studium leksykograficzne*. Szczytno 1996 (Прилагательные в поэзии Ивана Бунина. Лексикографическое исследование). Несмотря на то, что в основной части исследования – „Словаре прилагательных” представлен такой лексико-грамматический разряд слов, как адъективы, свою главную задачу исследователь видит в «лексикографической презентации отдельного тропа – эпитета».

В предисловии Г. Ойцевич поясняет, почему в качестве объекта исследования выступают прилагательные, а не эпитеты: «любое прилагательное может быть эпитетом, а не наоборот». Автор обратился к поэзии, по его словам, «первой ступени анализа, посвященного изучению идиолекта Бунина». Приступая к работе над словарем-монографией, исследователь отмечает, что до начала 90-х годов в мировой практике не было лексикографических работ на материале произведений выдающегося писателя XX в., в то время как были созданы индексы и конкордансы произведений А. Ахматовой, Е. Баратынского, О. Мандельштама и др. [см.: Ojcewicz 1996:7].

Теоретико-исследовательская часть заслуживает более подробного изложения, однако здесь кратко остановимся только на «Введении в лексикографический раздел», который, как пишет автор, включает пять «фрагментов»:

- 1) частотно-алфавитный указатель прилагательных (с. 43–47);
- 2) словарь прилагательных (с. 48–166);
- 3) частотно-алфавитный перечень словосочетаний «сущ.+ прил.» (с. 167–191);
- 4) частотный индекс адъективов (с. 192–200);
- 5) список анализированных стихотворений (в хронологической последовательности) (с. 201–209).

Частотно-алфавитный указатель адъективов составлен на материале прилагательных из 530 стихотворений, при каждой из единиц в скобках

указана частотность словоупотребления: **ВЁЛҮЈ** /112/. <далее примеры будем приводить в записи кириллицей>.

Автор отмечает, что в структуре словарной статьи представлено три вида информации: 1) лингвистическая, 2) статистическая, 3) литературоведческая, поэтому в структуре словарной статьи представлена детально разработанная зона шифров.

Структура словарной статьи [см.: Ојсевиц 1996:35]:

- 1) **заголовочное слово** (прил. м.р., ед.ч., им.п., обозначено ударение);
- 2) **частотность** (общая и частная);
- 3) **стилистическая помета** (отсутствие пометы для слова в словаре Ушакова (Уš) или Евгеньевой (Еv) обозначено сокращением „bk.”, т. е. „без пометы”;
- 4) **формы** (сочетания с сущ. ж.р., далее – м.р., затем ср.р., если необходимо – обозначены формы *pluralia tantum*);
- 5) **литературный адрес**;
- б) **иллюстрации**.

Пример словарной статьи [см.: Ојсевиц 1996:34–35]:

БЕЗГРАНИЧНЫЙ (5); Уš.: *книжн.*; Еv.: bk.

Безграничный – Ак-Дениз /2/, МВр, 317

Безграничная – вода /1/, Мр, 487 (Мр – им.п., ед. ч.)

Безграничное – молчанье /1/, Др, 64 (Др – род. п., ед.ч.)

- море /1/, Мср, 15 (Мср – предл. п., ед.ч.)

А *В темнеющих полях, как в безграничном море... , 1887:*

В темнеющих полях, как в **безграничном море**

Померк и потонул зари печальный свет.

В *Поздний час. Корабль и тих и тёмн... , 1895:*

В царстве **безграничного молчанья**,

В тишине глубокой сторожат

Час полночный звёзды над морями.

Поясним использование шифров в словарной статье:

(5) – прил. *безграничный* 5 раз появляется в сочетаниях с сущ., в том числе (далее показано /2/, /1/, /1/, /1/) с сущ. *Ак-Дениз* – дважды, *вода*, *молчанье*, *море* – по одному.

317, 487... (т. е. адресная зона): порядковый номер в списке анализируемых стихотворений, по нему определяем год написания; при этом цифры от 1 до 514 показывают, что стихотворение было написано в России, 515–530 – в эмиграции.

Прописная буква **А** (в тексте словаря буквы **А** и **Б** обведены кружком) обозначает употребление прилагательного в контексте в прямом значении; **Б** – в контексте с использованием метафоры, метонимии, синекдохи или поэтического сравнения. По сути, таким способом вводится еще одна стилистическая характеристика.

Добавим, что Частотно-алфавитный перечень словосочетаний «сущ.+прил.» показывает, что имя собственное Ак-Дениз в стихотворениях И. Бунина появляется 3 раза:

АК-ДЕНИЗ (3): безграничный², светлый [см.: Ojcewicz 1996:167].

Первым опытом двуязычного переводного словаря писательского идиолекта в польской авторской лексикографии является «Польско-русский словарь неологизмов Лема»: M. Krajewska. **Polsko-rosyjski słownik Lemowych neologizmów**. Тогуń 2006. Как пишет в своей рецензии Войцех Хлебда – это «работа, не имеющая в нашей лексикографии аналога». Подчеркивая ценность небольшого по объему словаря (1450 единиц – неологизмов, извлеченных из 53 текстов, представленных в сборниках Станислава Лема (1921–2006) «Сказки роботов», «Кибериада», «Звездные дневники Ййона Тихого»), профессор отметил: «...переводных словарей идиолектов у нас не только нет – их просто трудно себе представить!» [Chlebda 2008:146, 148]. Несомненно, он интересен и как словарь стиля: новообразования в произведениях научной фантастики являются их характерным стилеобразующим признаком.

О структуре словарной статьи можем судить по примерам, приведенным в рецензии (первая цифра в квадратных скобках после заголовочной единицы указывает на страницу произведения, вторая позиция – буквенное сокращение названия произведения в польской левой части словаря, цифровой шифр в русском столбце):

OTRZYJPYSK*, **PLUGAWISTA***, **ROZTRZACENIEC*** [275; С] ‘wyzwiska’ (т. е. обидные прозвища); **OTRZYJPYSK** <otrzeć (otrzyj); pysk>; **PLUGAWISTA** <plugawy>; **ROZTRZACENIEC** <roz-; tracić>; por. utracjusz [...]

– в словарной статье автор С старается показать способ образования неологизма, приводит мотивирующее слово или формы как в польском, так и в русском языке:

[...] **косорыльник** <косой ‘krzywy, skośny, zezowaty; рыло ‘morda, pysk’>; ср. косо-глазый ‘zezowaty’, косо-лапый [!] 1. ‘krzywostopy, szpotawy’; 2. *дуал.* ‘niezdarny’; **омерзист** <омерзеть ‘obrzydnąć, obmierznąć’>; **разодранец** <разо- ‘roz-’; драный ‘podarty’>; ср. голодранец ‘oberwaniec, obdartus’ [269; 26.1]. [Chlebda 2008:146, 147].

Литература

Витт В.В., Хорев В.А. Польская литература на рубеже XIX и XX веков // История всемирной литературы: В 9 томах. Т. 8. / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. М., 1994. С. 440–450.

- Chlebda W., rec.: M. Krajewska. Polsko-rosyjski słownik Lemowych neologizmów. Toruń: Towarzystwo Naukowe w Toruniu 2006, ss. 164. [B:] „Przegląd Rusycystyczny” 2008, nr. 4 (124). S. 145–149.
- Handke K. Słownictwo pism Stefana Żeromskiego, tom wstępny (uzupełniony i rozszerzony). Kraków 2007.
- Klemensiewicz Z. Jak charakteryzować język osobniczy? // „Zagadnienia Literackie” 1946, nr 1. S. 43–53; то же [B:] W kręgu języka literackiego i artystycznego. Warszawa 1961. S. 204–214.
- Korpysz T., Kozłowska A., red. Język pisarzy: problemy słownictwa. Warszawa 2011. S. 9–12.
- Puzynina J. O języku Cypriana Norwida [B:] Słowo – wartość – kultura, red. Stefan Sawicki. Lublin 1997. S. 419–447.
- Skubalanka Teresa. Uwagi o pracy nad językiem autorów [B:] Język pisarzy jako problem lingwistyki. Prace Językoznawcze. T. 2, red. Tomasz Korpysz, Anna Kozłowska. Warszawa 2009. S. 17–23.